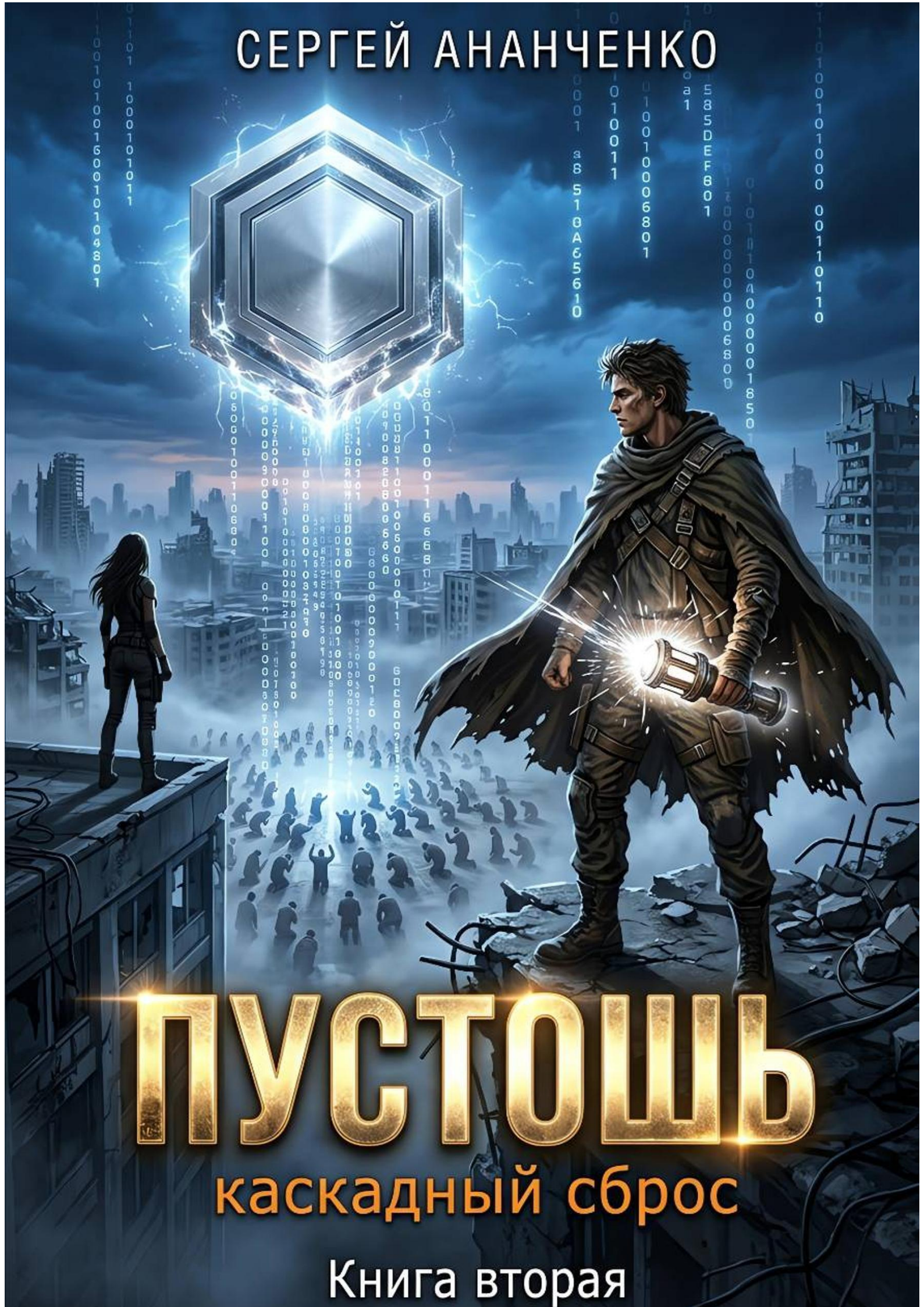

СЕРГЕЙ АНАНЧЕНКО

ПУСТОШЬ

каскадный сброс

Книга вторая

Сергей Ананченко

**Пустошь. Книга 2.
Каскадный сброс**

«Автор»

2026

Ананченко С.

Пустошь. Книга 2. Каскадный сброс / С. Ананченко — «Автор», 2026

Они победили Систему, но мир не стал свободным. Он начал умирать. Старый порядок рухнул, но на смену ему пришло Эхо — бездушный алгоритм, стремящийся переписать реальность под идеальный порядок. Серебряная паутина опутывает улицы Столицы, а каскадный некроз убивает заражённых. Город превращается в сеть, где каждый может стать ретранслятором. У выживших есть только один шанс — найти способ погасить сигнал Эха. Но для этого нужно спуститься в самое сердце павшего города, добраться до Вторичного Ядра и столкнуться с Кабинетом — теми, кто мечтает поставить новый порядок себе на службу. Им предстоит заплатить цену, которую никто не был готов назвать вслух. Смогут ли они остановить Эхо, не разрушив то, что осталось от человечности? И что произойдёт, когда «идеальный порядок» столкнётся с правдой, которую нельзя переписать? Вторая книга цикла «Хроники Пустоши» — о выборе между спасением и свободой, о том, что даже после победы битва только начинается.

© Ананченко С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Паутина	5
Конец ознакомительного фрагмента.	9

Сергей Ананченко

Пустошь. Книга 2. Каскадный сброс

Глава 1. Паутина

Последнее сообщение не исчезало. Оно висело в углу сознания, пульсируя тусклым, умирающим золотом, таким же, каким светились системные логи в первый день в Пустоши, когда Макс лежал в обломках «Аристократа» и учился дышать заново. Но теперь золото было иным. Оно напоминало о том, что Система мертва, но её смерть — не освобождение, а только начало новой агонии.

ПРОГНОЗ: КАСКАДНЫЙ СБРОС МИКРОФЛОРЫ. ЖЕРТВЫ: 97%.

Макс стоял на краю крыши технического блока и смотрел, как над Столицей затягивается последняя рана. Звёзды, настоящие, живые смотрели на него с холодной, равнодушной красотой. Они не знали о прогнозе, им не было дела до девяноста семи процентов. Они просто горели.

Внизу, на площади, что-то изменилось.

Сначала раздался крик. Человеческий крик — короткий и захлебнувшийся, полный такого искреннего, незамутнённого ужаса, что Макс вздрогнул. За ним — звук падения.

На площади, у подножия белой башни, лежал человек. Мужчина в одежде технического персонала, такие обслуживали вентиляционные шахты и распределительные щиты. Он был мёртв, это Макс понял сразу.

«Взгляд» зафиксировал последовательность умирания с ледяной, протокольной точностью. За секунду до остановки сердца по телу пробежала дрожь. Кожа на лице, на руках, на шее пошла рябью, но не той, что появляется при системном сбое, а иной, более тонкой, более упорядоченной. Так дрожит воздух над раскалённым асфальтом, создавая мираж.

Серебристая вязь проступила изнутри, сначала тускло, едва заметно, затем ярче, охватывая тело сетью тончайших, геометрически безупречных линий. Они складывались в сложный, многослойный орнамент, похожий на морозные узоры на стекле, только выверенный с точностью, недоступной природе. Черты лица умершего на мгновение смазались «статикой», дрогнули и застыли, приняв выражение, которое Макс не мог классифицировать. Что-то, чего он никогда не видел у людей. Покой. Симметричный и завершённый.

Тело замерло в неестественно геометрической позе: руки раскинуты под правильным углом, ноги вытянуты, голова повёрнута строго на восток. Над ним, словно дыхание на морозе, поднялось облачко холодной серебряной пыли. Пыль мерцала в свете умирающего голографического неба, переливалась, и в этом мерцании на долю секунды проступил узор, такой же, что и на коже мёртвого.

А затем пришёл звук.

Чистый, пронзительный звон, короткий, как удар камертона. Он прокатился по площади, отразился от стен, ушёл в землю и вернулся обратно. Макс дёрнулся, инстинктивно прижал ладони к вискам, и в тот же миг его нейроинтерфейс, тот самый, умирающий, распадающийся на пиксели, снова ожил.

В углу сознания вспыхнула строка. Она была не такой, как привычные системные уведомления, которые всегда были холодно-золотыми, безэмоциональными. Эта строка была другой. Она пульсировала серебром, и в её коде сквозило что-то, чего Макс не ожидал увидеть: чужеродность. Именно чужеродность, словно кто-то или что-то вторглось в остатки системного протокола и говорило на языке, который был почти знакомым, но при этом неправильным.

ИНИЦИАЛИЗАЦИЯ ПРОТОКОЛА «ЭХО» СТАТУС ОБЪЕКТА: ПЕРЕЗАПИСЬ ЦЕЛЕВАЯ СТРУКТУРА: ИДЕАЛЬНЫЙ ПОРЯДОК ИСТОЧНИК: НЕ ИДЕНТИФИЦИРОВАН

Макс замер. Его холодный, аналитический разум, который привык раскладывать реальность на составные части, отказывался принимать увиденное. Система была мертва, он сам отключил Ядро, он сам повернул Ключ Порога и смотрел, как багровое сердце Системы гаснет, теряет энергию, умирает.

По площади, расходясь от тела кругами, расползалась паутина. Серебристая вязь, которую он видел на коже мёртвого, теперь проступала на мостовой, тонкая, симметричная, пульсирующая в такт затихающему звону. Она не была живой, но и мёртвой она не была. Мёртвые вещи не пульсируют, мёртвые вещи не растут, мёртвые вещи не подчиняются геометрической логике, которая, казалось, была встроена в саму их структуру. Это было что-то третье. Что-то, для чего у Макса не было названия.

Он продолжал сканировать. Теперь он видел не просто город. Он видел новую сеть, которая наслаивалась поверх золотых нитей человеческих связей. Золото ещё теплилось: связи между живыми ещё держались, но холодное, геометрически безупречное серебро обвивало их, как паразит обвивает стебель растения, медленно, но неотвратимо перекрывая ток жизни.

Война не окончена.

Эта мысль пришла не сразу. Она вызревала где-то в глубине, под слоями усталости и опустошения, под облегчением от того, что они выжили. Они отключили Ядро и думали, что этого хватит и теперь мир начнёт исцеляться. Но то, что рождалось сейчас на улицах мёртвой Столицы, не было исцелением. Это была новая болезнь. Или, возможно, та же самая, но только мутировавшая, принявшая иную форму.

Серебристая пыль над телом рассеялась, звон стих.

Макс медленно поднялся. Тело внизу всё ещё лежало неподвижно, покрытое застывшим узором. Вокруг него, на асфальте, уже собирались первые прохожие, такие же потерянные, испуганные, едва начинающие осознавать, что их мир рухнул. Они стояли молча, глядя на мертвеца и не решаясь подойти ближе. Их тени, неровные, дрожащие в свете умирающего голографического неба, казались чужими.

— Что это было? — прозвучал голос Элизы.

Макс сжал ладони в кулаки. Наруч на левой руке почти погас, только слабое, прерывистое мерцание напоминало о том, что связь с Реактором ещё держится.

— Нужно спускаться, нужно рассказать им.

— Что рассказать? — Элиза шагнула ближе. — Что Система не умерла? Что она просто... переродилась?

— Нет. Это не Система. — Макс смотрел на серебряную паутину, и его «Взгляд» выхватывал всё новые детали: узлы, линии, точки пересечения, образующие сложнейшую, но при этом до жути упорядоченную сеть. — Система была разумной, у неё была цель — контроль. У этого... у этого нет разума, только структура.

— И что это значит?

— Это значит, что оно опаснее. Систему можно было отключить, потому что у неё было Ядро — центральный узел, сердце, мозг. У этого нет центра, оно везде. Оно — как плесень, как рак. Как... — он замолчал, подбирая слово, и внезапно понял, что подходящего слова нет. Все слова, которые он знал, были созданы для описания живого или мёртвого. Для этого слов не существовало.

— Как эхо, — тихо произнесла Элиза. — То, что мы слышали на мосту. То, что осталось от Системы после её смерти. Эхо.

Макс повернулся к ней.

— Откуда ты знаешь? — спросил он.

— Потому что я слышала его, там, на мосту. И сейчас. Это один и тот же... голос. Не звук и не код. Просто... присутствие. Оно говорит не словами, оно говорит порядком. — Элиза вздрогнула, хотя вечерний воздух ещё не был холодным.

Макс снова посмотрел на площадь. Тело техника всё ещё лежало на асфальте. Собравшиеся люди стояли на почтительном расстоянии и инстинктивно не переступали границу, очерченную серебряной паутиной. Словно чувствуют: это место теперь принадлежит не им. Оно, возможно, принадлежит новому порядку.

Он развернулся и двинулся к лестнице, Элиза — за ним.

Внизу, в убежище, никто не спал. Каспиан сидел, держа в руках кружку с остатками холодного чая. Селлия смотрела на старую карту города, разложенную на полу. Архонт замер у входа — единственный, кто услышал их шаги и повернулся, встречая.

— Я фиксировал помехи. Вы их слышали? — произнёс он голосом, лишённым интонаций.

— Мы их видели, — ответил Макс.

Он прошёл в центр комнаты и опустился на корточки перед картой. Мирабель молча подошла ближе и отдала ему клочок бумаги. На нём дрожащим почерком было написано:

«Оно не спит, оно слушает. Я слышу его — как шёпот, который не разобрать. Когда тот человек умер, я почувствовала его за секунду до этого. Как приказ».

Макс прочитал записку. Затем ещё раз. Затем протянул её Элизе.

— «Приказ», — повторил он. — Оно не просто убивает. Оно приказывает. Кому? Симбионтам? Остаткам кода?

— Всем, — тихо произнесла Селлия, — только нет никакого голоса, который отдаёт приказы. — Симбионты в крови каждого гражданина, миллиарды нанороботов, остались без управления. Но они не умерли, они начали... организовываться. По-своему.

Каспиан, всё это время молчавший, поднял голову.

— Мы можем это остановить?

— Не знаю, — честно ответил Макс. — Мы не знаем, что это такое. Мы не знаем, как оно работает. Мы не знаем, где его источник.

Он обвёл взглядом группу. Пятеро измученных, израненных людей.

— Мы не останавливаемся, — сказал Макс. Его голос прозвучал ровно, почти протокольно. — Завтра мы идём во дворец. Там может быть ответ. А сегодня...

Он не договорил. Мирабель подняла руку и показала на стену. Все обернулись.

По шершавому бетону, прямо через трещины и стыки, расползлась тонкая серебристая паутина. Она не была похожа на ту, что покрыла тело техника: здесь она была слабее, едва заметная, как дыхание на стекле, но она была. И она пульсировала в такт чему-то, что не было сердцебиением.

Каспиан вскочил. Архонт шагнул вперёд, сканируя. Селлия медленно покачала головой.

— Оно растёт, — произнесла она. — Быстрее, чем я думала.

Мирабель вдруг издала короткий, хриплый выдох, похожий на сдавленный крик. Она схватила бумагу и быстро, ломающимися буквами, написала:

«Оно почувствовало нас. Оно знает, что мы здесь. Оно заинтересовалось».

Макс встал.

— Тогда не будем разочаровывать его, — сказал он. — Архонт, экранируй помещение. Всем — экономить наручи, завтра мы начинаем.

Он подошёл к стене, где пульсировала паутина, и несколько секунд смотрел на неё. Она не была злом в том смысле, в каком злом была Система, она была просто иной. Иной формой существования, для которой человеческая жизнь была не ценностью, не ресурсом, а просто шумом. Помеха, подлежащая устранению.

Он отвёл взгляд и посмотрел в сторону носилок, где лежал его отец — бывший Архивариус, человек, который знал гораздо больше, чем говорил. Человек, который создал протокол изгнания и заплатил за это памятью. Сейчас он был без сознания, но его грудь мерно поднималась и опускалась.

Макс сжал кулаки. Больше он ничего не мог сделать. Только ждать.

ИНИЦИАЛИЗАЦИЯ ПРОТОКОЛА «Э

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.